

Вырезка из газеты

ВОЛГА

от 2.6 АПР 1974

г. Астрахань

Газета №

В ТУ далекую пору мы с приятелем еще не знали, кто такие «клареры» и поэтому отдавались не лучшему ремеслу со всей непосредственностью юности. Великолепный комедийный актер Владимир Константинович Бух останавливал нас на одной из аллей бывшего сада «Аркадия» и спрашивал голосом Шмаги:

— Ну-с, голодранцы Предвижу, что вам обязательно надо попасть на спектакль.

— Да! — признавались мы вполне искренне.

— Но дальнейшее ваше существование неопределенно и не обеспечено?

— Не обеспечено. — Подтверждаем мы жидким хором.

— Придется вас осчастливить. Небескорыстно, конечно. Вот — контрамарка. По ней вы без хлопот и угрызений совести проникните на галерку, и будете сиять глазами, ни черта не понимая в гениальных репликах. Но как только потрясенные зрители начнут ошалело хлопать в ладоши, вы начнете топтать ногами и взывать во всю глотку: «Бух! Бух! На сцену!» И будете швырять мне под ноги цветы.

— А где брать цветы? — спрашивал приятель.

— Из какого класса вас вышибли? В ваши годы я уже знал, что лучшие в мире цветы растут на общественных клумбах. Только не обдирайте роз. Не люблю. Венки из флердоранжа вы не достанете, как и бутылку шампанского «Редерер». Бог с вами, разрешаю дарить мне пыльные шафраны или табак, а из шампанских можете преподнести «Мозот», «Аи» или «Мадам Кликю».

Громче нас на галерке никто не орал. Мы были бескорыстные клареры и старались на совесть. Любимцу публики, старому театральному волку наши вопли были, понятно, ни к чему. Он гро-

зил нам пальцем. Но не в правилах Владимира Буха было одаривать пацанов контрамаркой, как милостыней. Так или иначе, но для одного из нас театр стал судьбой.

Недавно, перебирая редкие уцелевшие письма военных лет, я встретил письмо прия-

ное покойному художнику Михаилу Васильевичу Барашеву — ученик попал в руки доброго наставника. Сам Барашев отдал театру более сорока лет и хорошо знал, что такое «ученик».

Впервые мне пришлось брать интервью у друга дет-

— Тоже надо. Это ведь не только история Астраханского театра, а вообще история... Тогда, выходит, надо вспомнить М. Ваховского, К. Черкасова. Все, кто сегодня...

Словом, список набирался очень большой. В него вошло много режиссеров, художников, актеров, тех, о ком изредка пишут в газете, под рубрикой: «О тех, кого не видит зритель». И выходило, что все они, так или иначе, повлияли на судьбу Буянова. Помогли ему, поддержали или поругали когда-то, а все они объединялись в понятие, о котором говорят несколько затертым словом — коллектив.

Нет! Не затерлось это слово. Оно выше и значительнее тех фраз, в которых мы индугда, в дело и не в дело, упоминаем его. Что оно есть — коллектив? Это те, с кем ты работаешь. Это — рота и армия, ты и весь народ.

В данном случае коллективом, в котором вырос и провел жизнь Владимир Буянов, были люди, чья жизнь навсегда отдала искусству. И не только он. Инспектор сценны Евгения Сергеевна Шичкова проработала столько же, сколько Буянов, для нее театр — жизнь. А Алексей Иванович Пудовкин, которому восемьдесят три года и который работает до сих пор? ...А билетеры, кассиры, администраторы, буафоры, костюмеры, которые каждый спектакль считают делом своих рук, как и постановщики?..

Наш Астраханский, «свой» театр я помню с детства. С «Разбойников», которых видел в начале тридцатых годов. Проработал я в театре один сезон, и в это время он был «моим коллективом». И если театр сделал Владимира Буянова художником, автором оформления пятнадцати спектаклей, то я завидую моему другу и его трудовой семье.

Ю. СЕЛЕНСКИЙ.

◆ ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО ◆

ПРО НАШ ТЕАТР...

теля. Он писал с фронта. Перечитал. Грустно улыбнулся над одной фразой: «Белофиннов уже поперли из Медвежьегорска. Война пошла к концу. Если останусь жив, вернусь в Астрахань. Говорят, что всех, кто были в армии, будут брать на работу, с которой ушли?»

Заведующий постановочной частью Астраханского драмтеатра имени Кирова Владимир Владимирович Буянов ушел на войну из театра, добровольцем, на несколько месяцев раньше срока призыва своего возраста и вернулся в театр в 1947 году. Я иногда завидую людям, в трудовой книжке которых всего одна строка. Мне разрешили заглянуть в трудовую книжку Буянова. Там написано: «Принят на работу в драмтеатр на должность ученика художника-декоратора. 1939 г.».

Проработать тридцать пять лет из пятидесяти на одном месте, что ни говори, а стаж! Начиная от того, что тер краски, мыл флейцы и бегал за водой. Отдадим долж-

ства. И я с недоумением выяснил, что такой разговорчивый на рыбалке, он вдруг заговорил как-то вяло, односложно: «Да! Нет!» Пришлось помогать.

— Значит, — говорю, — добрым словом вспомним твоего учителя — Барашева?

— Конечно. Если бы не он...

— А директора театра, Антонину Даниловну Гродскую?

— А как же? Обязательно. Она меня на войну провожала.

— А Алексея Ивановича Пудовкина? Ты когда пришел на работу, ему было столько же лет, как тебе теперь.

— Надо вспомнить. И не забудь, что первый спектакль, который я оформил как художник, самостоятельно, был «Мещане». Мне очень помог тогда главный режиссер Я. И. Фролов.

— Ну, Якова Ивановича мы не забудем — вместе работали под его началом. А как быть с Коваль-Самборской?